

83.3(2Рос+Рус.)

Р 89

8(с)

3-4)

РУССКАЯ

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-
БИБЛIOГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРДЯ.

СОБРАЛЬ

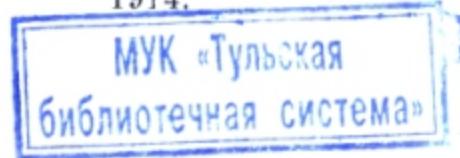
В. Зелинскій.

Издание четвертое.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, домъ № 3.

1914.

Оглавлениe второй части.

Критика шестидесятыхъ годовъ.

1862-й годъ.

Стр.

- „Явлениe современnoй литературы, пропущеннaя нашей критикой. Графъ Л. Толстой и его сочиненія. Статья вторая“. Статья Ап. Григорьева

1

1863-й годъ.

Разборы повѣсти „Казаки“.

Е. Эдельсона	32
Я. Полонскаго.	58
П. Ашненкова.	66
Евгений Туръ (граф. Саліаcъ-де-Туриемиръ).	88
Изъ „Современника“.	109
— „Сѣверной Пчелы“.	131

„Ясная Поляна“.

Критическія статьи:

Изъ „Современника“.	139
— „Времени“. Статья Игдѣева (И. Г. Долгомѣстьева)	159

1864-й годъ.

„Дѣтство, отрочество и юность“.

Критическая статья Д. И. Писарева	175
---	-----

1865-й годъ.

„Казаки“.

Критическая статья:	<i>Cmp.</i>
Е. Маркова	210
Д. И. Писарева	239
Изъ „Книжного Вѣстника“	243

„Сочиненія гр. Л. Н. Толстого“.

Статья А. Пятковскаго	245
Замѣтка изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“	253

Алфавитный указатель

страницъ, на которыхъ упоминаются имена и предметы,
относящіеся къ литературѣ.

Аксаковъ И. С. 31.	Гофманъ. 26.
„Альбертъ“. 1, 2, 19, 30.	Григоровичъ. 138.
„Американскія Степи“. 215.	Григорьевъ Аи. 1, 31, 244,
Анненковъ Н. 66, 87.	245.
Ауэрбахъ. 215.	„Гробовщикъ“. 8.
Байронъ. 3, 25, 132.	Грубе. 166.
„Барышня-крестьянка“. 8.	Дарвинъ. 168, 169, 241.
„Библіотека для Чтенія“. 32.	„Два Гусара“. 2, 29, 30.
Бокль. 150, 163, 168, 169,	„День“. 31, 141, 160.
171, 173, 174, 175.	Диккенсъ. 226.
„Бѣдная Невѣста“. 20.	Добролюбовъ. 170.
Бѣлинскій. 25, 64.	Достоевскій. 7, 18, 31, 159.
Бюхнеръ. 168.	Дружининъ А. В. 138.
Вагнеръ Р. 169.	„Дубровскій“. 8, 31.
„Военные Разсказы“. 2, 29.	„Дѣтство“. 2, 3, 4, 18, 27,
„Воспитаніе и Образованіе“.	28, 43, 67, 178, 210, 243,
143, 160, 163.	244, 245, 246, 253.
„Время“. 1, 8, 58, 159, 173,	„Евгений Онѣгинъ“. 10, 142.
178.	Жоржъ-Зандъ. 223.
„Встрѣча въ отрядѣ“. 2, 29, 30.	„Записки Маркера“. 2, 4, 19,
„Выстрѣль“. 26.	31, 246.
„Гаврило Михайловъ“. 138.	„Идеалы“. 200.
„Герой нашего времени“. 132.	„Иллюстрація“. 178.
Гете. 75.	„Кавказские Очерки“. 244, 246.
Гоголь. 4, 5, 6, 7, 8, 25, 58.	„Кавказскій Плѣнникъ“. 224,
Гончаровъ. 4, 5, 6, 17, 20,	252.
30, 138.	„Казаки“. 32, 43, 57, 58, 60,

- 66, 76, 88, 101, 109, 112, 113, 114, 131, 135, 138, 139, 178, 210, 232, 235, 238, 244, 247, 251.
 Канова. 238.
 Кантъ. 166.
 „Капитанская Дочка“. 7, 31.
 „Капризъ“. 12.
 Кирьевскій. 141, 159.
 „Книжный Вѣстникъ“. 243, 245.
 Кольцовъ. 7, 24, 25, 31.
 Костомаровъ. 162.
 Костровъ. 24.
 Кохановская. 41, 87, 138.
 Крестовскій Вс. 245.
 Куперъ. 211.
 Лермонтовъ. 3, 9, 15, 17, 19, 21, 24, 25, 70, 132.
 Либихъ. 241.
 „Лѣтопись села Горохина“. 16.
 Люинъ. 150, 168, 169, 170, 171.
 „Люцернъ“. 1, 2, 4, 6, 19, 30, 31, 68, 200, 244, 247.
 Марко-Бовчокъ. 35, 219, 220.
Марковъ Е. 210, 217, 223, 233, 236, 238, 239, 241, 242, 243.
 Марлинскій. 18, 30, 132.
 „Маякъ“. 26.
 „Мертвый Домъ“. 6, 18, 31.
 „Метель“. 2, 8, 9, 29, 34.
 Милль. 168, 169.
 Милоновъ. 24.
 Молешоттъ. 150, 162, 168, 171.
 Мольеръ. 26.
 Моцартъ. 7.
 Мочаловъ. 24.
 „Мцыри“. 70.
 „Набѣгъ“. 244, 246.
 Некрасовъ. 7, 31, 138.
 „Обломовъ“. 133.
 „Онѣгинъ“. 25, 26.
 Островскій. 7, 15, 18, 21, 23, 31, 33, 34, 35, 38, 39, 138.
 „Отечественные Записки“. 24, 88, 210, 238, 239.
 „Отрочество“. 2, 3, 18, 27, 28, 29, 43, 67, 178, 243, 244, 245, 246, 247, 253.
 Оуэнъ. 130, 168.
 „Очерки военныхъ дѣйствий“. 131.
 „Очерки Прошлаго“. 8.
 Панаевъ. 138.
 Песталоцци. 146, 165, 166, 244.
 Печерскій. 138.
 „Пиковая Дама“. 26, 28.
 Пироговъ. 170.
 Писаревъ. 178, 210, 239, 243, 245.
 Писемскій. 4, 5, 6, 9, 15, 17, 21, 22, 30.
 Погодинъ М. П. 141, 160.
 „Подводный Камень“. 210.
 Полежаевъ. 24.
 „Поликушка“. 131, 139, 246.
 Полонскій Я. 58, 66, 134.
 „Промахи незрѣлой мысли“. 178.

- Пушкинъ. 3, 4, 6, 7, 9, 12, 15, 17, 18, 21, 24, 25, 26, 28, 31, 61, 62, 63, 70, 242.
 Пятковскій А. 245, 253.
Рафаэль. 7.
 „Рубка Лѣса“. 15, 131, 138, 244, 246.
 „Русалка“. 31.
 „Русскій Вѣстникъ“. 32, 88, 111, 135, 139, 253.
 „Русское Слово“. 178, 239, 243, 245, 250, 251.
 Руссо. 70, 83, 166, 174, 237.
Саліасть-де-Турнемиръ Е. В.
 см. Туръ Евгенія.
Салтыковъ. 165.
 „С.-Петербургскія Вѣдомости“. 66, 76, 253.
 „Севастополь въ августѣ“. 138.
 „Севастопольскія Воспоминанія“. 243, 244, 246.
 „Семейное Счастье“. 2, 4, 6, 31, 43, 244, 246.
 „Сильвіо“. 8.
 „Современникъ“. 109, 131, 138, 139, 140, 142, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 168, 170, 171, 172, 175, 176, 177, 245, 252.
 „Солдаткино Житье“. 75.
 Соллогубъ гр. 28.
 „Станціонный Смотритель“. 8.
- „Старые Годы“. 138.
 Стелловскій. 245, 253.
 Страховъ. 170.
 „Сѣверная Ічела“. 131, 139.
 „Три Смерти“. 2, 6, 19.
 Тургеневъ. 4, 5, 9, 17, 18, 20, 30, 31, 33, 34, 35, 38, 113, 138.
 Туръ Евгенія. 28, 88, 97, 106, 109, 211, 213, 238, 239.
 „Тысяча восемьсотъ пятый годъ“. 243, 253.
Успенскій. 34, 35.
 „Утро Помѣщика“. 191, 200, 250.
Фребель. 166, 244.
 „Цвѣты невиннаго юмора“. 210.
 „Цыгане“. 61, 70.
 „Чайльдъ-Гарольдъ“. 25.
 Чужбинскій. 8.
Шекспиръ. 211.
 Шеллингъ. 166.
 Шиллеръ. 200.
 „Шинель“. 59.
Щедринъ. 34, 66, 165.
Эдельсонъ Е. 32, 57, 244, 245.
 „Юность“. 2, 4, 27, 28, 29, 179, 180, 247.
 „Ясная Поляна“. 31, 69, 74, 75, 111, 113, 139, 140, 143, 146, 153, 158, 159, 160, 162, 165, 238, 245.

КРИТИКА ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВЪ.

1862 г.

*) Явленія современной литературы, пропущенные нашей критикой.

Графъ Л. Толстой и его сочиненія.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ **).

Въ первой статьѣ своей я, опредѣливши общее значеніе дѣятельности графа Л. Толстого, былъ долженъ поневолѣ пуститься въ разысканіе причинъ того страннаго факта, что эта въ высокой степени своеобразная и замѣчательная дѣятельность прошла незамѣченою передъ нашей критикой. Виною тому, какъ старался доказать я, было то, что критика наша перестала быть критикой литературною, т.-е., другими словами говоря, что литература перестала быть для направлениія нашей критики вполнѣйшимъ выраженіемъ и откровеніемъ жизни. Я намекнулъ уже, что самая дѣятельность замѣчательно-даровитаго писателя разошлась съ требованіями различныхъ болѣе или менѣе теоретическихъ направлений, что самое появленіе нѣкоторыхъ изъ его вѣщей, каковы, напр., „Альбертъ“ и „Люцернъ“, въ журналѣ теоретиковъ — одинъ изъ странно-вопіющихъ фактovъ для мыслящаго наблюдателя.

*) Ап. Григорьевъ. „Время“, 1862 г., № 9.

**) Первую статью см. „Русская критическая литература о произведенияхъ Л. Н. Толстого“, ч. I, стр. 117.

Но, вѣдь, ни „Альбертъ“, ни „Люцернъ“, ни „Три Смерти“, ни, наконецъ, „Семейное Счастье“ не составляютъ въ дѣятельности самого писателя какого-либо крутого поворота. Эти произведенія—прямое и притомъ не только логическое, но органическое послѣдствіе того же самаго психического процесса, который раскрывается въ предшествовавшихъ его произведеніяхъ,—завершеніе того же анализа, который такъ поразилъ всѣхъ въ этихъ предшествовавшихъ произведеніяхъ...

Дѣятельность Толстого, какъ она до сихъ порь обозначалась, можно раздѣлить собственно на три категоріи: 1) чисто-аналитическія произведенія, каковы: „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“; 2) художественные этюды, свидѣтельствующіе о необыкновенной силѣ и особенности таланта, но имѣющіе совсѣмъ характеръ этюдовъ, характеръ чисто-внѣшній, каковы: „Метель“ и „Два Гусара“, и 3) на результаты анализа, болѣе или менѣе удачные и полные, въ которыхъ художникъ стремится уже къ созданію самостоятельныхъ типовъ, къ воплощенію въ образы того, что добыто имъ посредствомъ анализа. Это или попытки, хотя и удивительныя, но нѣсколько голыя, догматическія, каковы: „Записки Маркера“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три Смерти“; или совершенно органическія, живыя созданія: „Военные Разсказы“ и „Семейное Счастье“. Разумѣется, такое раздѣленіе справедливо только по отношенію къ общему характеру этихъ произведеній. Элементъ органическій, элементъ художественного творчества присутствуетъ, и притомъ присутствуетъ въ замѣчательной степени въ произведеніяхъ совершенно аналитическихъ; элементы анализа, и притомъ самаго смѣлага, входять и въ этюды, ибо вся дѣятельность Толстого, вмѣстѣ взятая, есть живая, органическая дѣятельность. Раздѣленіе принято здѣсь, только какъ руководная нить для разъясненія нравственно-художественного процесса.

Толстой, какъ уже сказано было въ первой статьѣ, кинулся прежде всего всѣмъ въ глаза своимъ безпощаднымъ анализомъ. Анализъ поразилъ всѣхъ какъ въ „Дѣтствѣ“ и

„Отрочество“¹, такъ и въ самыхъ „Военныхъ Рассказахъ“, — первомъ и полномъ художественномъ выражениі психического процесса.

Какого же свойства этотъ анализъ? съ чего онъ начинается, какъ выражается, куда ведеть и чѣмъ онъ различенъ отъ анализа другихъ художниковъ-аналитиковъ? Вотъ вопросы, которые должна поставить себѣ для разрешенія критика.

У художника, если онъ дѣйствительно художникъ, анализъ не можетъ быть голый: онъ облекается непремѣнно въ поэтическіе образы, онъ приковывается даже иногда къ одному образу, преслѣдующему художника во все продолженіе его дѣятельности и видоизмѣняющемся сообразно съ ея различными фазисами. Иногда этотъ образъ, этотъ нравственный идеалъ самого художника, раздвоется, какъ, напримѣръ, у Пушкина — на Онѣгина и Ленскаго, у Лермонтова — на Арбенина и Звѣздича, на Печорина и Грушницкаго. Раздвоеніе образа есть, конечно, всегда признакъ движенія впередъ самого художника, становящагося въ критическое отношеніе къ преслѣдующему его образу, и результатами своими оно, это раздѣленіе, гораздо богаче мрачно-сосредоточенной односторонности, которая могла вполнѣ узакониться, можетъ быть, только разъ, въ лицѣ Байрона, — да и у того типъ иѣсколько двоится, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ краскамъ — на Гарольда и Донъ-Жуана.

Во всякомъ случаѣ у самыхъ объективныхъ, равно какъ у самыхъ субъективныхъ художниковъ, можно доискаться одного главнаго, преслѣдующаго ихъ образа. Чѣмъ художникъ по натурѣ шире, тѣмъ шире и его идеалъ, его любимый образъ, тѣмъ онъ народнѣе; но что нравственная жизнь художника воплощается въ извѣстномъ, видоизмѣняющемся и часто двоящемся образѣ, — это не подлежитъ сомнѣнію.

У Толстого точно такъ же есть этотъ преслѣдующій его образъ, къ которому приковался его анализъ, то лицо, отъ имени котораго разсказываетъ онъ „Дѣтство“, „Отрочество“

и „Юность“ и которое въ „Семейномъ Счастьѣ“ мѣняеть только полъ и является женщиной. Образъ этотъ раздвоется, но раздвоется только вѣнчне — въ „Запискахъ Маркера“, въ „Люцернѣ“, являясь княземъ Нехлюдовымъ и представляя только крайнія, послѣднія грани того анализа, который отличаетъ героя „Дѣтства, отрочества и юности“ отъ другихъ современныхъ героевъ... Онъ и Нехлюдовъ — вовсе не то, что Онѣгинъ и Ленскій, что, съ другой стороны, Пушкинъ — лирикъ и Пушкинъ — Бѣлкинъ; не то, что Арбенинъ и Звѣздичъ, изъ сліянія которыхъ является Печоринъ, и не то, что Печоринъ и Грушницкій, т.-е. идеаль и пародія. Нехлюдовъ — крайняя грань цѣльного психического процесса, и, мало того, — жизненное послѣдствіе той особенной обстановки такъ-называемаго аристократического мірка, въ которой онъ заключенъ какъ въ раковинѣ и изъ которой выбивается, очевидно, герой „Дѣтства, отрочества и юности“... Во всякомъ случаѣ психической процессъ не раздвоется, а только доходить до своихъ крайнихъ граней...

Предполагая, что всѣ читатели знакомы съ произведениями Толстого, по крайней мѣрѣ, съ главными изъ нихъ (ибо читатели вовсе незнакомые съ ними, по всей вѣроятности, не станутъ читать моей статьи), я не буду приводить выписокъ и ограничусь, какъ всегда, только указаніями.

Основная черта, поразившая всѣхъ въ психическомъ процессѣ, раскрывавшемся въ произведеніяхъ Толстого, была — повторяю еще разъ — анализъ необыкновенно новый и смѣлый, анализъ такихъ душевныхъ движений, которыхъ еще никто не анализировалъ. Не „пошлость пошлого человѣка“ обличалъ Толстой, подобно Гоголю; не смѣялся онъ болѣзненнымъ смѣхомъ Гамлета Щигровскаго уѣзда надъ несостоятельностью такъ-называемаго развитого человѣка, какъ Тургеневъ; не противополагалъ онъ, какъ Писемскій, здоровый, хотя и грубоватый, хотя и иѣсколько низменный взглядъ на жизнь мишуруно сдѣланныхъ, заказныхъ или подогрѣтыхъ чувствованій; не относился, какъ Гончаровъ, къ идеализму во имя узкой практическости, къ празд-

ной мысли во имя узкого и условного дѣла, — но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось всѣми, что у него есть что-то общее со всѣми исчислennыми стремленіями, что онъ — разумѣется, полусознательно, полубезсознательно, какъ всякой художественный талантъ — разрабатываетъ одну и ту же съ поименованными художниками задачу эпохи. Близкій къ Тургеневу поэтическою нѣжностю чувства и глубокою симпатіей къ природѣ, но диаметрально-противоположный ему своей трезвостью взгляда, безпощадною ко всѣмъ маломальски необыденнымъ ощущеніямъ, своей враждой ко всякой фальши, какъ бы она ни была блестяща, — онъ этими послѣдними качествами быть бы всего ближе къ Ильинскому, если бы этотъ реализмъ былъ ему *прирожденъ*, а не *порожденъ* анализомъ. Своимъ виѣшнимъ, враждебно-недовѣрчивымъ отношеніемъ къ идеализму онъ быть бы сходенъ съ Гончаровымъ, если бы законнымъ образомъ поставилъ себѣ идеальчикъ въ практическости. Съ другой стороны, своей безпощадностью къ пошлости, таящейся не только въ пошломъ, но и во всякомъ человѣкѣ, онъ какъ будто развиваетъ задачи Гоголя, но онъ не плачетъ ни о какомъ разбитомъ кумирѣ, ни о какомъ условно-прекрасномъ человѣкѣ. Общаго у него со всѣми этими задачами эпохи одно: отрицаніе.

Отрицаніе чего?

Да всего наноснаго, напускного въ нашемъ фальшивомъ развитіи. Отрицаніемъ онъ, по происхожденію и воспитанію разъединенный съ почвою, старается, какъ всѣ, дoryться до почвы, до простыхъ основъ, до первоначальныхъ слоевъ. Особенность его въ томъ, что онъ роется глубже всѣхъ другихъ. Онъ не удовлетворяется, какъ Тургеневъ, тѣмъ, чтобы издали благоговѣйно увидѣть почву и поклониться ей въ восторгѣ Моисея, узрѣвшаго обѣтованную землю. Ему (для ясности позволю себѣ сказать примѣромъ) мало того, чтобы почувствовать только черноземную силу въ Уварѣ Иванычѣ, — онъ хотѣлъ бы разгадать и въ самомъ себѣ поднять эту сиднемъ-сидящую силу. Онъ не можетъ такъ же, смахнувши слои фальшиваго идеализма,

принять, какъ Гончаровъ, за слои настоящіе—столь же наносные, но гораздо болѣе грязные слои практичности и формализма; онъ не останавливается и на тѣхъ, повидимому, прочныхъ, но въ сущности только загрубѣлыхъ слояхъ, на которыхъ твердою ногою стоитъ Нисемскій; онъ такъ же мало способенъ симпатизировать, положимъ, хоть Задорь-Мановскому или даже Навлу Бешметеву, какъ Ельчанинову и Бахтиарову, такъ же мало тетушкѣ ипохондрика Соломонидѣ, какъ и Дурнопечину... Съ идеалами же на воздухѣ, со всяkimъ созиданіемъ сверху, а не снизу, съ тѣмъ, что погубило нравственно и даже физически самого Гоголя, онъ способенъ помириться всего менѣе... Онъ только роется въ глубь, добросовѣтно роется, руководимый своимъ необычайнымъ анализомъ, и, еще не дорывши, кончаетъ пантенистическою скорбю „Люцерна“, скорбю за жизнь и ея идеалы, отчаяніемъ за все сколько-нибудь искусственное и сдѣланное въ душѣ человѣческой, отчаяніемъ очевиднымъ въ „Трехъ Смертяхъ“, изъ которыхъ самою нормальною является смерть дуба, суровою покорностью судьбы, не щадящей цвѣта человѣческихъ чувствъ въ „Семейномъ Счастьѣ“, и затѣмъ—апатію, безъ сомнѣнія, временною и переходною.

Апатія ждала непремѣнно на срединѣ такого глубокоискренняго психического процесса, но что она не конецъ его,—въ этомъ, вѣроятно, никто изъ вѣрующихъ въ силу таланта вообще и понявшихъ силу таланта Толстого даже и не сомнѣвается. Недавно еще такое явленіе, какъ „Мертвый Домъ“, доказало намъ, что силы не умираютъ, не забываются судьбою, а встаютъ могучѣе послѣ добровольной или принужденной инерціи.

Начала того отрицательного процесса, котораго Толстой является вмѣстѣ съ другими представителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ современною жертвою, лежать не въ Гоголѣ, а въ Пушкинѣ. Гоголь вмѣстѣ съ другими, хотя и глубже всѣхъ другихъ, доводилъ до извѣстныхъ граней задачи, указанныя Пушкинымъ.

Говоря о Толстомъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ зна-

чительныхъ представителей нашего отрицательного процесса, не минуешь иѣкотораго повторенія того, что уже иѣсколько разъ высказывалъ я о началѣ, обѣ исходной точкѣ этого процесса.

До сихъ поръ еще только въ цѣльной натурѣ Пушкина, въ ея борбѣ съ различными тревожившими ее и пережитыми ею идеалами, заключается для нась слово разгадки нашихъ стремлений.

Есть натуры, предназначенные на то, чтобы намѣтить за-разъ грани процессовъ, набросать полные и цѣльные, хотя только очерками обозначенные, идеалы, и такая-то именно натура была у Пушкина. Пушкинъ все наше перечувствовалъ—оть любви къ загнанной старинѣ до сочувствій къ реформѣ, оть нашихъ страстныхъ увлеченій блестящими, эгоистически-обаятельными идеалами до смиренного служенія Савелья („Капитанская Дочка“), оть нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды „материпустыни“, и только смерть помѣщала ему воплотить наши высшія стремлія, весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита,—смерть, которая почти всегда уносить преждевременно набрасывателей многообъемлющаго и многосодержащаго идеала, которая унесла, напримѣръ, Рафаэля и Моцарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все разметывающееся въ ширину и коренится какъ дубъ односторонняя глубина.

Я говорилъ уже не разъ, что, за исключеніемъ совершенно новыхъ въ литературѣ нашей явленій, имѣющихъ только обще-историческую, преемственную связь съ Пушкинымъ, каковы со всѣми ихъ достоинствами и недостатками Кольцовъ, Островскій, Некрасовъ и Достоевскій,—въ нашей современной литературѣ нѣть ничего истинно-замѣчательного и правильнаго, что въ своемъ зародышѣ не находилось бы у Пушкина.

Такъ весь отрицательный процессъ нашъ, не исключая даже и самого Гоголя, по прямой линіи ведеть свое начало оть взгляда на жизнь Ивана Петровича Бѣлкина. Многимъ господамъ, преимущественно привыкшимъ благоговѣть

передъ именами и авторитетами, мысль эта, высказанная въ первый разъ,—и высказанная притомъ ех abrupto, безъ надлежащей ясности, показалась чудовищно-парадоксальною. Но ко всякому чудовищу можно привыкнуть, тѣмъ болѣе что ни за славу Гоголя, ни за славу даже новыхъ литературныхъ корифеевъ нашихъ бояться нечего.

Типъ Ивана Петровича Бѣлкина былъ почти любимымъ типомъ поэта въ послѣднюю эпоху его дѣятельности. Какое же,—спрошу я опять, но послѣ многихъ толковъ моихъ во „Времени“ спрошу настоятельнѣе,—какое душевное состояніе выразилъ намъ поэтъ въ этомъ типѣ, и каково его собственное душевное отношеніе къ этому типу, влѣзая въ кожу котораго, принимая жизненные воззрѣнія котораго, онъ разсказываетъ намъ множество добродушныхъ исторій, на первый разъ даже не нравящихся своимъ добродушіемъ и простотою, но въ сущности таящихъ въ себѣ задачи весьма глубокія?..

Пробовали ли читатели въ лѣта своей зрѣлости перечесть „повѣсти Бѣлкина“, эти повѣсти, которыя въ лѣта пылкой молодости привели ихъ въ негодованіе за упадокъ таланта и силъ пѣвца Алеко и Плѣнника, повѣсти, изъ которыхъ нѣкоторыя казались имъ ужасно пустыми, какъ „Метель“, а нѣкоторыя даже водевильными, какъ „Барышня-крестьянка“. Они только въ первой изъ нихъ, въ „Сильвіо“, видѣли отраженіе пушкинского генія, именно потому, что здѣсь остался слѣдъ борьбы съ мучительнымъ и тревожнымъ идеаломъ. Въ „Сильвіо“ дѣйствительно одинъ изъ ключей къ уразумѣнію нравственного процесса поэта. Но, вѣдь, въ другихъ-то простодушныхъ разсказахъ,—если вы перечтете ихъ теперь, когда почти тридцать лѣтъ прошло съ первого появленія ихъ на свѣтѣ Божій,—вы найдете еп герме, въ зернѣ, и простыя изображенія простой дѣйствительности, непонятно свѣжія до сихъ поръ еще, хотя и сдѣланныя очерками (какъ „Гробовщикъ“), и симпатичность отношеній къ загнаннымъ, „униженнымъ и оскорблennымъ“ сантиментального натурализма („Станціонный смотритель“), и... мало ли что вы въ нихъ найдете! Можетъ быть, вы даже съ „Ба-

рышней-крестьянкой" и съ „Метелью" помиритесь?.. Вѣдь, читаете же вы, напр., съ удовольствіемъ—хоть въ „Очеркахъ Прошлаго" г. А. Чужбинскаго изображеніе моншера Самограева, и признаете законность этого изображенія...

Но, вѣдь, въ кожѣ Бѣлкина, въ духѣ Бѣлкина, въ тонѣ Бѣлкина разсказаны еще намъ поэтомъ такие разсказы, какъ „Дубровскій", какъ семейная хроника Гриневыхъ, эта ни мало не потерявшая своей красоты и свѣжести родоначальница всѣхъ нашихъ „семейныхъ хроникъ".

Въ типѣ Бѣлкина, который такъ полюбился нашему поэту, выразились начала нашего отрицательнаго (въ отношеніи къ нашему напряженному развитію) процесса.

Что же такое этотъ пушкинскій Бѣлкинъ,—тотъ самый Бѣлкинъ, который проглядываетъ потомъ подъ другими формами въ повѣстяхъ Тургенева,—которому въ произведеніяхъ Писемскаго страшно хотѣлось взять верхъ надъ фальшиво-блестящимъ и фальшиво-страстнымъ типомъ,—которому съ излишкомъ, черезъ мѣру даетъ права Толстой,—котораго нѣсколько иронически, но съ невольною симпатіей повторяетъ даже Лермонтовъ въ Максимѣ Максимычѣ?..

Бѣлкинъ пушкинскій есть простой здравый толкъ и простое здравое чувство, кроткое и смиренное, толкъ, воинющій противъ всякой блестящей фальши, чувство, возстающее законно на злоупотребленія нами нашей широкой способности понимать и чувствовать. Стало быть, въ сущности это начало только отрицательное, и право оно только, какъ отрицательное, ибо, предоставьте его самому себѣ,—оно способно перейти въ застой, мертвящую лѣнъ, хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова.

Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у самого Пушкина вездѣ, гдѣ онъ у него самолично является, или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ, съ его взглядомъ на жизнь. Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, его мрачной сосредоточенностью въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли, онъ еще сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо можетъ существовать. Онъ знаетъ только, что онъ

самъ вовсе не Сильвіо, и боится этого типа. „Нѣть ужъ,— говорить онъ,— лучше пойду къ людямъ попроще!“ и первый опускается въ простые, такъ называемыя низменные слои жизни...

Читатели помнятъ, вѣроятно, мѣсто въ отрывкахъ главы, не вошедшій въ поэму Онѣгина и нѣкогда предназначавшійся поэтомъ на то, чтобы привести существованіе Онѣгина въ многообразныя столкновенія съ русской жизнью и почвой (какъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія строфы), привести эту праздную, тяготящуюся собою жизнь на разныя очныя ставки съ дѣятельною, сурово-хлопотливою, дѣйствительной жизнью. Эти отрывки, хотя они и отрывки, въ высшей степени знаменательны для уразумѣнія нашего отрицательнаго процесса.

Въ этихъ отрывочныхъ строфахъ Онѣгинъ является для насъ съ совершенно новой стороны, какъ личность, которой, несмотря на всю бурно-прожитую, тревожную жизнь, все-таки некуда дѣвать своихъ силъ, своего здоровья, своей жизненности.

Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ парадичѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка...
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

И, разумѣется, тоскою о томъ, что много еще силъ, много еще здоровья и крѣпости жизни, долженъ быть кончить Онѣгинъ, какъ отраженіе извѣстнаго момента нашего нравственнаго развитія процесса, но не тоскою только, а поворотомъ къ почвѣ кончаетъ живая, многообъемлющая натура самого поэта:

Порой дождливою намедни
Я завернуль на скотный дворъ...
Тыфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарай,
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Взводилъ твой безконечный шумъ?

Эта выходка поэта — не столько негодование на прозаизмъ и мелочность окружающей его жизненной обстановки, сколько невольное сознаніе того, что этот прозаизмъ имѣть неотъемлемыя права надъ душою, что онъ въ душѣ остался какъ отсадокъ послѣ всего кишучаго броженія, послѣ всѣхъ напряженій и тщетныхъ попытокъ окаменѣть въ байроновскихъ формахъ. И тщета этой борьбы съ собственою душою, и негодование на то, что послѣ борьбы остался такой отсадокъ, негодование, подъ которымъ уже кроется любовь къ почвѣ, — одинаково знаменательны:

Какія бѣ чувства не таились
Тогда во мнѣ, — теперь ихъ нѣтъ.
Они прошли иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, водъ края жемчужны,
И моря шумъ и груды скалъ,
И гордой дѣви идеаль,
И безымения страданья...
Другіе дни, другіе сны!..
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣналъ...
Пныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ спрѣнькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи
Да прудъ подъ сѣнью изъ пустыхъ,
Раздолѣ утокъ молодыхъ...
Теперь милый мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь хозяйка,
Мои желанія — покой
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Поразительна эта простодушнѣйшая смѣсь ощущеній самыхъ разнородныхъ, — негодованія и желанія набросить на

картину колорить самый сѣрий, съ невольной любовью къ картинѣ, съ чувствомъ ея особенной, самобытной красоты... Это чувство—наше родное, такъ сказать, наше типовое чувство... Оно только что очнулось отъ тревожно-лихорадочнаго сна, только что вырвалось изъ кипящаго страшнымъ броженiemъ омута. Оно оглядывается на Божій свѣтъ, встряхиваеть кудрями, чувствуя, что все вокругъ его тоже, такое же, какъ было до сна; чувствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, что и само оно то же, такое же, какимъ было до борьбы съ призраками, и юношески недовольно тѣмъ, что оно свѣжо и молодо послѣ всѣхъ схватокъ съ подводными чудовищами..

Но кружась въ водоворотъ этого омута, наше сознаніе видѣло такие сны, и образы сновъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними, мѣряясь съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя... Какъ же это оно такъ молодо, здорово, испытавши столько, и какъ же, испытавши столько, оно опять видить передъ собою прежнюю обстановку? Вѣдь, въ борьбѣ, хотя и призрачной, оно узнало самого себя, узнало, что не только эту бѣдную и обыденную обстановку можетъ воспринять и усвоить, но и всякую другую, какъ бы эта другая ни была сложна, широка и великолѣпна. Пусть на первый разъ оно разъяснило себя въ чужой обстановкѣ, т.-е. пусть на первый разъ мѣра силы познана въ примѣркѣ къ чужому, для нея призрачному—да сила-то ужъ сама себя знаетъ, и знаетъ, кроме того, что ей мала, бѣдна и узка обыденная обстановка дѣйствительности. А между тѣмъ, и въ самомъ круженіи, въ самой борьбѣ съ призрачнымъ, чуждымъ міромъ, силы чувствовали минутные припадки непонятнаго влечения къ этой самой, повидимому, столь узкой и скучной обстановкѣ, къ своей собственной почвѣ.

Негодованіе силъ, извѣдавшихъ уже „добroe и злоe“, выразившись у Пушкина въ вышеприведенныхъ строфахъ, еще сильней сказалось въ стихотвореніи, которое самъ онъ назвалъ „Капризомъ“:

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый, и пр.,

но не осталось только негодованіемъ, а перешло въ серьезную думу мужа о своихъ отношеніяхъ къ міру призрачному и міру дѣйствительному...

Въ тѣ дни, когда музъ, по словамъ его, услаждала ему

Нуть иѣмой
Волшебствомъ тайного разсказа,

когда... но пусть лучше говорить онъ самъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа
Она Ленорой при лунѣ
Со мной скакала на конѣ...
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу міровъ,—

въ эти дни молодого и кипучаго вдохновенія великая натура мѣряла свои силы со всѣмъ великимъ, что уже она встрѣчала даннымъ и готовымъ, подвергаясь равномѣрно вліянію и свѣтлыхъ и темныхъ его сторонъ...

Оказалось, что на „вся добрая и злая“ у нея есть удивительная воспріимчивость и отзывчивость; что притомъ эта воспріимчивость и эта отзывчивость не могутъ остановиться на среднемъ пути, а ведутъ всякое сочувствіе до крайнихъ его предѣловъ, и что, наконецъ, натура все-таки не можетъ перестать любить своего типового, не можетъ не стремиться къ нему, не можетъ забыть своей почвы. Это стремленіе скажется то радостью „замѣтить разность“ между Онѣгиномъ и собою, то мечтою о поэмѣ „пѣсень въ двадцать пять“, въ которой, какъ говорить поэтъ:

Не муки тайного злодѣйства
Тогда я въ ней изображу,
Я просто вамъ перескажу
Преданье русскаго семейства;

въ которой мечтаеть онъ пересказать

Простыя рѣчи
Отца иль дяди-старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ линь, у ручейка...

Мало ли чѣмъ, наконецъ, скажется это стремлениѣ къ почвѣ!..

Записываніемъ сказокъ старой няни или анекдотовъ о старинѣ, гордостью родовыхъ преданій—въ противоположность бюрократическому чванству, совѣтомъ учиться русскому языку у московскихъ просвиренъ...

И вотъ, когда поэтъ въ эпоху зрѣлости самосознанія привелъ для самого себя въ очевидность всѣ эти, повидимому, совершенно противоположные стремленія собственной своей натуры, то, прежде всего и паче всего правдивый и искренній, онъ умалилъ, принизилъ самого себя, когда-то „Плѣнника“, у котораго

на челѣ его высокомъ
Не измѣнилось ничего,

когда-то „Алеко“, который говорить про себя:

Я не таковъ... иѣть! я, не споря,
Отъ правъ своихъ не откажусь, и пр.

до смиренного типа Бѣлкина.

Въ этомъ типѣ узаконилось—но только на время, только отрицательно, какъ критический отсадокъ—стремлениѣ къ почвѣ, поворотъ къ ея требованіямъ. Въ этотъ образъ пошла далеко не вся великая личность поэта, ибо Пушкинъ вовсе не думалъ отрекаться отъ прежнихъ своихъ сочувствій или считать ихъ противозаконными, какъ это иногда готовы дѣлать мы въ порывахъ усердія къ почвѣ. Да и трудно, конечно, представить себѣ, дѣйствительно, Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ натуру, которая и прежде мѣрялась, да и потомъ не переставала мѣряться своими силами съ самыми могучими типами, ибо въ то же самое время гений поэта проникалъ въ мрачно-сосредоточенную душу Сальери и въ вѣчно-жаждущую жизни натуру Донъ-Жуана,

стало быть, вовсе не замыкался исключительно въ существованіи Бѣлкина.

Бѣлкинъ для Пушкина вовсе не герой его, а больше ничего, какъ критическая сторона души. Мы были бы народъ, весьма нещедро надѣленный природою, если бы героями нашими были пушкинский Бѣлкинъ, лермонтовскій Максимъ Максимычъ и даже честный кавказскій капитанъ въ „Рубкѣ Лѣса“ Толстого. Значеніе всѣхъ этихъ типовъ въ томъ, что они—критические контрасты блестящаго и, такъ сказать, хищнаго типа, котораго величіе оказалось на нашу душевную мѣрку несостоятельнымъ, а блескъ—фальшивымъ. Значеніе ихъ, кромѣ того, въ протестѣ,—протестѣ всего смиреннаго, загнаннаго, но между тѣмъ, основаннаго на почвѣ, на нашей природѣ—противъ гордыхъ и страстныхъ до необузданности началъ, противъ широкаго размаха силъ, оторвавшихся отъ связи съ почвой.

Придать этой сторонѣ души нашей исключительное, героическое,—значить, впасть въ другую крайность, ведущую къ застою и закиси. Максимъ Максимычъ и капитанъ Толстого, конечно, люди очень честные и безъ всякой похвалы храбрые; они нисколько не рисуются, нисколько не натягиваютъ своей простой природы на сильныя страсти и глубокія страданія,—но, вѣдь, согласитесь, что съ ними немыслима никакая исторія. Изъ нихъ не выйдутъ, конечно, Стеньки Разины, да зато не выйдутъ и Мининъ. Увы! на однихъ добрыхъ и смиренныхъ людяхъ,—умѣй они даже и умирать такъ, какъ умираетъ солдатъ Веленчуку у Толстого, будь они благодушны до пантейистической любви ко всей твари, какъ стариkъ Агаѳонъ у Островскаго,—далеко не уѣдешь. Для жизни страстное начало нужно, закваска нужна.

Глубоко понималъ это геніальный чутью своимъ Пушкинъ, и потому до сихъ поръ даже, послѣ Максима Максимыча, къ которому самъ Лермонтовъ относится, впрочемъ, съ ироніею, послѣ однодворца Савелья Писемскаго, послѣ капитана Храброва Толстого—его Бѣлкинъ все-таки единственно-правильное узаконеніе критической стороны

нашей души. Съ тою жизнью попроще, въ которую спускается онъ, ошеломленный страшнымъ призракомъ Сильвіо, онъ, вѣдь, тоже разобщенъ кой-какимъ образованіемъ—ну, хоть письмовникомъ Курганова, а главное, онъ ужъ смотрить на нее съ высоты кой-какого образованія. Комизмъ положенія человѣка, который считаетъ себя *обязаннымъ* по своему кой-какому образованію смотрѣть какъ на что-то ему чужое—на то, съ чѣмъ у него несравненно болѣе общаго, чѣмъ съ приобрѣтенными кой-какъ верхушками образованности,—является необыкновенно ярко въ Бѣлкинѣ, какъ авторъ „Лѣтописи села Горохина“. Эта лѣтопись—тончайшая и вмѣстѣ добродушнѣйше-поэтическая на смѣшкѣ надъ цѣлою вѣковой полосою нашего развитія, надъ всею нашей поверхностною образованностью бывалыхъ временъ, сообщавшей намъ взглядъ совершенно неприложимый къ явленіямъ окружавшей и доселъ насть окружающей дѣйствительности... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво притаились все наши бывалые взгляды на нашъ быть и нашу старину, выражавшіеся то стихами въ родѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы...

то карамзинскими фразами, какъ, напримѣръ: „Ярославъ прѣхалъ господствовать надъ трупами“, или: „отселъ исторія наша приемлетъ достоинство истинно-государственной“, и пр., и пр.

Но, вѣдь, мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ геніальныx страницахъ бездна лукавой и беспощадной ироніи: въ нихъ есть нечто вышее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ своею *обязанностью* писать съ важностью классическихъ историковъ о странѣ, именуемой Горохинъ, и *живописуетъ* вычурнымъ слогомъ нравы ея обитателей,—откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ нравовъ и такое любовное и вмѣстѣ совершенно-правильное къ нимъ отношеніе?

Типъ простого и смиренаго человѣка, впервые художе-

178508
169244

ственno выдвинутый на сцену Пушкинымъ въ лицѣ его Бѣлкина, съ тѣхъ порь подъ различными формами является въ нашей литературѣ то въ лицѣ простого, тоже смиренаго, но храбраго и честнаго, хотя иѣсколько ограниченаго по натурѣ человѣка, каковъ Максимъ Максимычъ Лермонтова; то въ лицѣ загнаннаго судьбой человѣка, который постоянно спасаеть передъ хищнымъ и блестящимъ типомъ—у Тургенева; то въ лицѣ простого же, но страстнаго человѣка, надѣленнаго сильной, но не развитой природою, который тоже пасуеть въ жизни передъ виѣнне-блестящимъ, но внутренно-пустымъ типомъ—у Писемскаго; то въ лицѣ человѣка, наконецъ, котораго глубокій анализъ довелъ до сознанія исключительной законности типа простого человѣка передъ блестящимъ, но постоянно поднимающемся на моральныя ходули, типомъ до невѣрія даже въ возможность реальнаго бытія такого ходульнаго типа—какъ у Толстого. Пушкина Бѣлкинъ еще вѣрить въ существованіе мрачнаго, сосредоточеннаго Сильвіо; Лермонтовъ еще иронически сочувствуетъ своему Максиму Максимычу и, къ сожалѣнію, еще вѣрить въ своего Печорина; Тургеневъ, сочувствуя глубоко и болѣзненно своему загнанному человѣку, не только вѣрить въ блестящіе и страстные типы, но самъ ими увлекается; Писемскій явно негодуетъ на торжество фальшиво-блестящаго надъ простымъ и безыскусственнымъ. Толстой анализируетъ, и анализомъ доходитъ до положительного невѣрія во всякое сколько-нибудь *приподнятое* чувство. Между тѣмъ, его невѣріе — не прозаизмъ, иѣсколько грубоватый, Писемскаго, и, съ другой стороны, не та искусственная практическость, которая заставляетъ Гончарова предпочесть Штолыца романтику Обломову. Невѣріе Толстого — результатъ глубокаго анализа, часто доходящаго до крайностей, часто разбивающаго свои собственные основы, но никогда почти не увлекающагося известными сочувствіями и антипатіями.

Прежде чѣмъ разъяснить значеніе анализа Толстого, я долженъ предупредить о томъ, почему, исчисляя различные отношения нашихъ писателей къ двумъ типамъ, я не сказалъ ни слова о ярко-замѣчательномъ отношеніи къ нимъ В. Зелинскій. Критика о Толстомъ.

Островского и Ф. Достоевского? То и другое отношение, какъ это будетъ объяснено въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, совершенно оригинально. Въ идеалахъ чуждой намъ жизни искали Пушкинъ и Тургеневъ блестящихъ типовъ; въ глубинѣ народной жизни ищутъ какъ Островской, такъ и Достоевской—и широкихъ типовъ, какъ, напримѣръ, типъ Петра Ильича и многія изъ лицъ „Мертваго Дома“, такъ равно и смирныхъ. Смирные ихъ типы нельзя назвать, въ противоположность типамъ широкимъ, простыми, потому что и широкіе ихъ типы взяты изъ народной жизни.

Сдѣлавши эту необходимую оговорку, возвращаюсь къ Толстому и значенію его анализа.

Анализъ Толстого дошелъ до глубочайшаго невѣрія во всѣ „приподнятые“, „необыденныя“ чувства души человѣческой. Въ этомъ его высокое значеніе, въ этомъ же и его односторонность. Анализъ разбилъ готовые, сложившіеся, *отчасти* чужіе намъ идеалы, силы, страсти, энергіи. Въ русской жизни онъ, какъ и всѣ, видѣть—только отрицательный типъ простого и смиренаго человѣка, и привязался къ нему всей душою. Вездѣ слѣдить онъ идеаль простоты душевныхъ движений; въ горести няни (въ „Дѣствѣ и Отрочествѣ“) о смерти матери героя,—горести, противополагаемой имъ нѣсколько эффектной, хотя и глубокой скорби старой графини; въ смерти солдата Веленчука, въ честной и простой храбости капитана Храброва, явно превосходящей въ его глазахъ несомнѣнную же, но крайне эффектную храбрость одного изъ кавказскихъ героеvъ *à la* Марлинскій; въ покорной смерти простого человѣка, противопоставленной смерти страдающей, но капризно страдающей барыни... Но, во-первыхъ, несмотря на свою глубокую искренность, можетъ быть, именно вслѣдствіе задачи, поставленной въ искренности анализа, Толстой иногда и пересаливаетъ въ своей строгости къ „приподнятымъ“ чувствамъ. Не многіе, напримѣръ, будуть съ нимъ согласны насчетъ большей глубины горя няни передъ горемъ старухи-графини. Во-вторыхъ, этотъ анализъ, дошедши до любви къ смирному типу, преимущественно по не-

върію въ блестящій и хищный типъ, въ концъ-концовъ, не опираясь на почву, дающую оба тишина, ведеть къ какому-то пантенистическому отчаянію, очевидному въ „Люцернѣ“, „Альбертѣ“ и выразившемуся еще прежде въ „Запискахъ Маркера“. Въ - третьихъ, наконецъ, этотъ анализъ обращается въ какой-то бесодержательный, въ анализъ анализа, своею бесодержательностью приводящій къ скептицизму и къ подрыву всякихъ душевыхъ чувствъ. Ключъ къ концамъ этого анализа, это—смерть дуба въ „Трехъ Смертяхъ“, смерть, поставленная сознаніемъ выше смерти не только развитой барыни, но и выше смерти простого человѣка. Вѣдь, отсюда одинъ шагъ къ нигилизму.

Правъ этотъ анализъ только въ казни, безпощадно совершающей имъ надъ всѣмъ фальшивымъ, чисто сдѣланнымъ въ ощущеніяхъ современного человѣка, котораго Лермонтовъ суевѣрно обоготовилъ въ своеемъ Печоринѣ. А правъ онъ вотъ почему.

Въ стремлениіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку непріятно и тяжело сознавать свои слабыя стороны, это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; задача здѣсь заключается преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ своимъ отнестись съ полною, безпощадною справедливостью. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ—уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе несравненно болѣе тонкое и опасное, именно—преувеличить свои слабости до той степени, на которой они получаютъ известную значимость и, пожалуй, даже, по извращеннымъ понятіямъ современного человѣка, величавость и обаятельность зла. Мысль эта стать совершенно понятна, если я напомню обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ—не говорю уже Манфреда, Лары, Гяура, но Печорина и Ловласа: психологический фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ, какъ

Британской музы небылицы
Тревожать сонъ отроковицы.

Возьмите какую-угодно страсть и доведите ее въ вашемъ представлениі до известной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою,—ваше трагическое возрѣніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ гоголевскимъ Собакевичемъ, скучнымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печориннымъ, чѣмъ Меричемъ; даже,—уже если на то пошло,—Грушницкимъ, чѣмъ Милашинимъ Островскаго, потому что Грушницкій хоть умираетъ эффектно! Сколько лягушекъ надуваются по этому случаю въ воловъ въ нась самихъ и вокругъ нась! сколько людей желаютъ показаться себѣ и другимъ *преступными*, когда они сдѣлали только *пошлисть!* сколько гаденькихъ чувственныхъ поползнозвеній стремятся принять въ нась размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ, и тотъ зоветъ городничиху „удалиться подъ сѣнь струй“! Меричъ въ „Бѣдной Невѣстѣ“ самодовольно просить Марью Андреевну простить его, что онъ возмутилъ миръ ея невинной души! Тамаринъ радъ-радехонекъ, что его зовутъ демономъ!

Такимъ образомъ даже и до наступленія той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т.-е. комическое отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость вмѣсто прямого поворота предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсильную страсть души, признать ея требованія все-таки правыми; переживши минуты презрѣнія къ самому себѣ и къ своей личности, сохранить, однако, вражду и презрѣніе къ дѣйствительности.

Вотъ въ казни этого-то психического изворота и правъ вполнѣ анализъ Толстого, правѣе, чѣмъ анализъ Тургенева, иногда и даже нерѣдко кадящій нашимъ фальшивымъ сторонамъ, и, съ другой стороны, правѣе, чѣмъ анализъ Гон-

чарова, ибо казнить во имя глубокой любви къ правдѣ и искренности ощущеній, а не во имя узкой, бюрократической практичности; правѣе и анализа Писемского, ибо онъ знаетъ глубоко, знаетъ, какъ Лермонтовъ, современного человѣка. Писемскій же рисуетъ его болѣе по наслышкѣ и наглядкѣ, и потому часто не достигаетъ своей цѣли, утрируя его иногда до карикатурности.

Не правъ же анализъ Толстого не только по вышеизложеннымъ причинамъ и не только потому, что не опирается на народную почву, но еще и потому, что не придаетъ значенія блестящему *действителю* и хищному *действителю* типу, который и въ природѣ и въ исторіи имѣть свое оправданіе, т.-е. оправданіе своей возможности и реальности.

Не только мы бы народъ не-щедро одаренный природою, если бы мы видѣли свои идеалы въ однихъ смиренныхъ типахъ—будь это Максимъ Максимычъ или капитанъ Храбровъ, даже и смиренные типы Островскаго,—но пережитые нами съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ типы—чужие намъ только отчасти, только, можетъ быть, по своимъ формамъ и по своему, такъ сказать, лоску. Пережиты они нами потому собственно, что къ воспріятію ихъ наша природа столь же способна, какъ и всякая европейская. Не говоря уже о томъ, что у насъ въ исторіи были хищные типы, и не говоря о томъ, что Стеньку Разина изъ міра эпическихъ сказаний народа не выживешь,—нѣть, самые въ чуждой намъ жизни сложившіеся типы не чужды намъ и у нашихъ поэтовъ облекались въ своеобразныя формы. Вѣдь, тургевескій Василій Лучиновъ—XVIII вѣкъ, но русскій XVIII вѣкъ, а ужъ его, напримѣръ, страстный и беззаботно прожигающей жизнь Веретьевъ—и подавно.

Стремленіе Пушкина къ блестящимъ, хотя, повидимому, чуждымъ намъ идеаламъ имѣть глубокія причины въ свойствахъ самой русской натуры. Потому-то, влѣзая въ кожу Бѣлкина, онъ все-таки не переставалъ быть ни Алеко, ни Донъ-Жуаномъ, хотя Толстой едва ли повѣрить, напримѣръ, жаждѣ мишенія, выражавшейся въ известной тирадѣ Алеко:

Я не таковъ... нѣть! я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь... и пр.

Н Толстой будеть правъ, какъ и Писемскій, карикатурно-зло, но вѣрно изображая Батманова и Хазарова, „драпирующихся плащомъ Ромео“, но правъ только по отношенію къ пародіи на типъ страстнаго и сильнаго человѣка, а не по отношенію къ самому типу. Тѣмъ не менѣе правы они будуть, если русской натурѣ припишутъ только одинъ идеаль „смиренаго“ человѣка...

Въ русской натурѣ вообще заключается едва ли не одинаковое, едва ли не равномѣрное богатство силъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Нешадно смѣясь надъ всѣмъ, что несообразно съ нашей душевной мѣрой, хотя бы безобразіе несообразности, чудовищное или комическое, явилось даже въ томъ, что мы любимъ и уважаемъ,— мы ведемъ всякое отрицаніе лжи до его крайнихъ предѣловъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь и ничѣмъ не смущаясь. Этимъ мы отличаемся отъ другихъ народовъ, въ особенности отъ нѣмцевъ, совершенно неспособныхъ къ комизму и весьма непослѣдовательныхъ въ своемъ, хотя и смѣломъ, отрицаніи въ принципахъ. Сомнѣнія нѣть, что посмѣявшись надъ филистерствомъ какого-либо знаменитаго ученаго, вы впадаете въ глазахъ нѣмца въ *scimen laesae majestatis*; и известно вамъ также, что великій учитель, подорвавшій своимъ змѣообразнымъ положеніемъ всякия формы, остановился въ умиленіи передъ формами прусского государства—и это вовсе не изъ политического благоразумія, а просто потому, что былъ нѣмецъ.

Съ другой стороны, мы столь же мало способны къ строгой, однообразной чинности, кладущей на все уровень вѣнчанаго порядка и составной цѣльности; съ утопіями формализма, каковы бы онъ ни были,—утопія ли бюрократовъ, или утопія фурьеристовъ, казарма или фаланстера,—мы не миримся.

Любя *праздники* и нерѣдко цѣлую жизнь прожигая въ праздношатательствѣ и кружениіи, мы не можемъ мѣшать дѣль съ бездѣльемъ и, дѣлая дѣло, сладострастно наслаждаться имъ.

ждаться мыслю о приготовлении себѣ посредствомъ его извѣстной *порци* законнаго бездѣлья. Этимъ мы опять-таки въ значительной степени разнимся оть нѣмцевъ. Мы можемъ ничего не дѣлать, но не можемъ на дѣло смотрѣть, какъ на *prolegomena* къ вздору. Одинъ изъ типическихъ героевъ нашихъ, Чацкій, говорить правду:

Когда дѣла—я оть веселій прячусь,
Когда дурачиться—дурачусь...
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ,—я не изъ ихъ числа.

Съ другой стороны, мы не можемъ помириться съ вѣчной суетней и толкотней общественно-будничной жизни, не можемъ посреди ея заглушить въ себѣ тревожнаго голоса своихъ высшихъ духовныхъ интересовъ, но зато, скоро уставая бороться во имя ихъ съ будничною дѣйствительностью, впадаемъ нерѣдко въ хандру.

Таковы нѣкоторыя, довольно неоспоримыя, кажется, черты нашей—скажемъ безъ ложнаго смиренія—богатой стихійной природы, черты, свидѣтельствующія о ея тревожныхъ, порывающихся въ широкую даль началахъ. О нашихъ качествахъ смиренія, непамятозлобія и пр. я не говорю. Они давно признаны всѣми, хотя безъ всякой мѣры, до пересолу славянофилами, не видящими комической стороны нашего смиренія въ смиреніи Фамусова и таковой же стороны нашего непамятозлобія въ дешевыхъ примиреніяхъ „передъ порогомъ кабака“. На этихъ однихъ, хотя и дѣйствительно прекрасныхъ качествахъ мы бы далеко не уѣхали. И такъ они не малѣ намъ повредили своимъ одностороннимъ преобладаніемъ въ мірѣ драмы Островскаго—въ покорности домочадцевъ передъ Китомъ Китычемъ, въ ёрническомъ раболѣпіи передъ Самсономъ Силычемъ Лазаря Подхалюзина, въ дешевомъ непамятозлобіи, основанномъ на сознаніи общественной безнравственности, Антипа Антищча и того, кого онъ „помазалъ“ насчетъ товара.

Да будетъ далека отъ читателя мысль, чтобы я смѣялся надъ этими самими по себѣ святыми началами, чтобы, напр., весь міръ, изображаемый Островскимъ, этотъ міръ корен-

ной и отчасти застыший безъ развитія въ своихъ коренныхъ началахъ, но зато сохранившій упорно свои самостоятельный начала,—чтобы этотъ міръ, за поклоненіе которому я подвергаюсь постояннымъ укорамъ достопочтенныхъ „Отечеств. Записокъ“, я считалъ „темнымъ царствомъ“ весь, всецѣло—съ его величавыми патріархами, каковы: Русаковъ, несмотря на его иѣкоторое резонерство, и отецъ Петра Ильича, несмотря на его раскольническую жесткость; съ его широкими и вмѣстѣ благодушными личностями, въ родѣ Бородкина и Кабанова, который душою выше своего положенія; съ его женщиными—оть Любови Гордѣевны до страстнаго типа Катерины и идеально-религіознаго типа Марѣи Борисовны, благодушной и свѣтлой до того, что она готова лгать при всей чистотѣ своей, чтобы только не обидѣть „хорошаго человѣка“; съ его, наконецъ, мужами энергіи и борьбы—оть падшей, но великой натуры Любима Торцова, не знающей, куда дѣвать свою силу, натуры Петра Ильича до мужа-борца, доходящаго до религіозныхъ экстазовъ, но практически и вмѣстѣ героически кабалящаго народъ ради земскаго дѣла. Нѣть, это слишкомъ многообразный, какъ жизнь вообще, и свѣтлый и темный вмѣстѣ міръ. Но, вѣдь, въ немъ не одни же наши смирныя свойства развиваются, и въ немъ же по общему закону организмовъ она стала обособляться, сосредоточиваться около собственнаго центра и, наконецъ, получила цѣльное, реальное бытіе.

И тогда горе заклинателю, который выпустилъ ее изъ центра, и это горе неминуемо ждетъ всякаго заклинателя, поскольку онъ человѣкъ... Пушкина скосила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко; Лермонтова—тотъ страшный образъ, который сіялъ передъ нимъ, „какъ царь иѣмой и гордый“, и отъ мрачной красоты котораго самому ему „было страшно и душа тоскою сжималася“; Кольцова—та раздражительная и начинавшая во всемъ сомнѣваться стихія, которую тщетно заклинать онъ своими „думами“. А сколько могучихъ, но негармоническихъ личностей закруживали стихійные начала: Милонова, Кострова—въ прошломъ вѣкѣ, Полежаева, Мочалова—на нашей памяти.

Да не скажутъ, чтобы я здѣсь игралъ словами. Стихійное вовсе не то, что личность. Личность Пушкина не Алеко и вмѣстѣ съ тѣмъ не Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, оть лица котораго онъ любилъ разсказывать свои повѣсти: личность Пушкинская—самъ Пушкинъ, заклинатель и властелинъ многообразныхъ стихій, какъ личность Лермонтовская не самъ Арбенинъ и Печоринъ, а самъ онъ „еще невѣдомый избраникъ“ и, можетъ быть, по словамъ Гоголя, „будущій великий живописецъ русскаго быта“. Правъ Кольцовъ, умѣвшій ловко вести свои торговыя дѣла, спасъ бы намъ надолго жизнь великаго лирика Кольцова, если бы не пожрала его, вырвавшиесь за предѣлы, та раздражающаяся дѣйствительностью, недовольная, слишкомъ впечатлительная сила, которую не всегда заклиналъ онъ своей возвышенной и трогательной молитвою:

О, гори, лампада,
Ярче предъ распятъемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва.

Въ Пушкинѣ по преимуществу, какъ въ первомъ цѣльномъ очеркѣ русской натуры, очеркѣ, въ которомъ обозначались и объемъ и границы ея сочувствій,—отразилась эта борьба, высказался этотъ моментъ нашей духовной жизни, хотя великій мужъ былъ и не рабомъ, а властелиномъ и заклинателемъ этого страшнаго момента.

Поучительна въ высшей степени исторія душевной борьбы Пушкина съ различными идеалами борьбы,—изъ которой онъ выходитъ всегда самимъ собою, особеннымъ типомъ, совершенно новымъ. Ибо, что, напримѣръ, общаго между Онѣгинымъ и Чайльдъ-Гарольдомъ Байрона? что общаго между пушкинскимъ и байроновскимъ или мольеровскимъ французскимъ или, наконецъ, испанскимъ Донъ-Жуаномъ?.. Это типы совершенно различные, ибо Пушкинъ, по словамъ Бѣлинского, былъ *представителемъ міра русскою, человѣка русскою*. Мрачный сплинъ и язвительный скептицизмъ Чайльдъ-Гарольда замѣнился въ лицѣ Онѣ-

гина хандрою оть праздности, тоскою человѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше и добруѣ своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностью здороваго русскаго смысла, т.-е. прирожденною, а не приобрѣтенною критической способностью, который—критикъ, потому что даровитъ, а не потому что озлобленъ, хотя самъ и хотѣть искать причинъ своего критического настроиства въ озлобленіи, и которому та же критическая способность можетъ, того и гляди, указать средство выйти изъ ложнаго и напряженного положенія на ровную дорогу.

Съ другой стороны, Донъ-Жуанъ южныхъ легендъ, это—сладострастное кипѣніе крови, соединенное съ демонски-скептическимъ началомъ, на которое намекаетъ великое созданіе Мольера и которымъ до опьяненія восторгается иѣмецъ Гофманъ. Эти свойства обращаются въ созданіи Пушкина въ какую-то беспечную, юную, безграничную жажду наслажденія, въ сознательное даровитое чувство красоты, въ способность „по узенькой пяткѣ“ дорисовать весь образъ женщины, способность находить „странныю пріятность“ въ потухшемъ взорѣ и помертвѣлыхъ глазахъ черноокой Инесы; тинь создается, однимъ словомъ, изъ южной, даже африканской страсти, но смягченной русскимъ тонко-критическимъ чувствомъ, изъ чисто-русской удали, беспечности, какой-то дерзкой шутки прожигаемою жизнью, какой-то безусталой гоньбы за впечатлѣніями, такъ что чуть впечатлѣніе принято душою,—душа уже далеко, и только „на снѣговой порошѣ“ остался слѣдъ „не зайки, не горностайки“, а Чурилы Пленковича, этого Донъ-Жуана миѳическихъ временъ, порожденія нашей народной фантазіи.

Эта поучительная для насть борьба — и въ геніально-юношескомъ лепетѣ кавказскаго плѣнника, и въ Алеко, и Гиреѣ (недаромъ же печальной памяти „Маякъ“ объявлялъ героеvъ Пушкина уголовными преступниками!), и въ Онѣгинѣ, и въ ироническомъ, лихорадочномъ и вмѣстѣ сухомъ тонѣ „Пиковой Дамы“, и въ отношеніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина къ мрачному Сильвіо въ повѣсти „Выстрѣль“. На каждой изъ этихъ ступеней — борьба стоять

подробнейшаго изученія... Но что вездѣ особенно поразительно, такъ это постоянная непослѣдовательность живой и самобытной души, ея упорная непокорность усвоенному ей типу, при постоянной послѣдовательности умственной, послѣдовательности пониманія и усвоенія типа. Испо видно, что въ типѣ есть для этой души что-то неотразимо-влекущее и есть вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, чмму она постоянно измѣняетъ, что, стало быть, рѣшительно не по ней.

Кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознаніе видѣло такие сны, и образы этихъ сновъ такъ явно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борбѣ съ ними, или, лучше сказать, мѣряясь съ ними, оно ощущало въ себѣ силы необъятныя, силы на созданіе самобытныхъ идеаловъ. Какимъ же образомъ, извѣдавши „добрая и злая“, можетъ оно остаться при однихъ чисто-отрицательныхъ типахъ?

Вопросъ объ отношеніи нашихъ писателей къ двумъ типамъ—вопросъ очень важный. Толстой представляетъ крайнюю грань односторонняго отношенія, грань, замѣчательную не только по своей односторонности, но и потому еще, что любовь къ отрицательному смиреному типу родилась у нашего автора не непосредственно, какъ у писателей народной эпохи литературы, а вслѣдствіе глубокаго анализа.

Душевный процессъ, который раскрывается намъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ и первой половинѣ „Юности“,—процессъ необыкновенно оригиналъный. Герой этихъ замѣчательныхъ психологическихъ этюдовъ родился и воспитался въ средѣ общества, столь искусственно сложившейся, столь исключительной, что она въ сущности не имѣеть реальнаго бытія, въ сферѣ такъ-называемой аристократической, въ сферѣ высшаго свѣта. Неудивительно, что эта сфера образовала Печорина—самый крупный свой фактъ—и нѣсколько болѣе мелкихъ явлений, каковы герои разныхъ великосвѣтскихъ повѣстей. Удивительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменательно то, что изъ нея, этой узкой сферы, выходитъ, т.-е. отрѣшается отъ нея посредствомъ анализа, герой разсказовъ Толстого. Вѣдь, не вышелъ же изъ нея, несмотря на весь свой умъ, Печоринъ; не вышли же изъ

ией героя графа Соллогуба и г-жи Евгении Турь!.. А съ другой стороны, становится понятнымъ, когда читаешь этюды Толстого, какимъ образомъ, несмотря на ту же исключительную сферу, натура Пушкина сохранила въ себѣ живую струю народной широкой и общей жизни, способность и понимать эту живую жизнь, и глубоко ей сочувствовать, и временами даже съ нею отождествляться.

Натура Пушкина была натура по преимуществу синтетическая, одаренная непосредственностью пониманія и цѣльностью захвата. Ни въ какую крайность, ни въ какую односторонность не впадалъ онъ. Равно удивителенъ онъ и въ тонѣ Бѣлкина, и въ тонѣ своихъ поэмъ, и въ сухомъ свѣтскомъ тонѣ „Пиковой Дамы“. Натура же героя „Дѣтства, Отрочества и Юности“ по преимуществу аналитическая. Анализъ развивается въ немъ рано и подкрадываетъся глубоко подъ основы всего того условнаго, чѣмъ онъ окружены, того условнаго, что въ немъ самому. Доходя до явленій, ему не поддающихся, онъ передъ ними останавливается. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ высокой степени замѣчательны главы о нянѣ, о любви Маши къ Василію и въ особенности глава о юродивомъ, въ которой сталкивается онъ съ явленіемъ, которое и въ самой народной простой жизни составляетъ нѣчто рѣдкое, исключительное, эксцентрическое. Всѣ эти явленія анализъ противопоставляетъ всему условному, его окружающему, въ которомъ цѣлѣеть непронутымъ одинъ только святой образъ,—образъ матери, нѣжно, любовно и граціозно нарисованный образъ. Ко всему другому анализъ безпощаденъ. И понятно: передъ нимъ уже стоять несокрушимою стѣною, о которую онъ разбился, иные, противоположныя, совершенно безыскусственные явленія иной, не условной, а непосредственной жизни.

Онъ пораженъ простотою, неразложимостью этихъ явленій. И вотъ простоты, неразложимости добивается онъ отъ самого себя, роется терпѣливо и безпощадно-строго въ каждомъ собственномъ чувствѣ, даже въ самомъ томъ, которое, по виду, кажется совершенно святымъ (глава „Испо-

вѣдь"), уличаетъ каждое свое чувство во всемъ, что въ дѣствѣ сдѣлано, даже напередъ,—ведеть каждую мысль, каждую дѣтскую или отроческую мечту до ея крайнихъ граней. Вспомните, напримѣръ, мечты героя "Отрочества", когда его заперли въ темную комнату за непослушаніе гувернери.

Анализъ въ своей безпощадности заставляетъ душу признаваться самой себѣ въ томъ, въ чемъ не всякая душа себѣ признается, въ томъ, въ чемъ стыдно себѣ самому признаться. Мудрено ли, что при огромномъ таланѣтъ анализъ изощрился до того, что въ "Метели" способенъ влѣзть въ существо воробья, который "притворился, что клюнуль"; въ "Военныхъ Разсказахъ" развертываетъ цѣлую ткань пустыхъ представлений, промелькнувшихъ передъ человѣкомъ въ минуту смерти, до поражающей, несомнѣнной правды.

Та же безпощадность анализа руководить героя въ "Юности". Поддаваясь своей условленной сферѣ, принимая даже ея предразсудки, онъ постоянно казнить самого себя и изъ этой казни выходить побѣдителемъ. Многіе находили растянутую первую половину "Юности". Это неправда. Волоковы, Нехлюдовы должны были быть изображены съ такою мелочною подробностью, чтобы поразительный вышло столкновеніе героя со слоями иной жизни, съ даровитыми, хотя безумно кутящими личностями, полными силъ и высокихъ, не-условныхъ стремлений.

Столкновеніемъ съ этимъ живымъ міромъ кончается, повидимому, процессъ. Но только—повидимому. Слѣдить его можно и даже должно въ "Военныхъ Разсказахъ"—въ разсказѣ: "Встрѣча въ отрядѣ", въ "Двухъ Гусарахъ". Анализъ продолжаетъ свое дѣло. Останавливаясь передъ всѣмъ, что ему не поддается, и переходя тутъ то въ паѳосъ передъ всѣмъ громадно-грандіознымъ, какъ севастопольская эпопея, то въ изумленіе передъ всѣмъ простымъ и смиренно-великимъ, какъ смерть Веленчука или капитанъ Храбровъ, онъ безпощаденъ ко всему искусственному и сдѣланному, является ли оно въ буржуазномъ штабсъ-капи-

танъ Михайловъ, въ кавказскомъ ли героѣ à la Марлинской, въ совершенно ли ломаной личности юнкера въ разсказѣ: „Встрѣча въ отрядѣ“. Одинъ только типъ остается нетронутымъ, не подвергнутымъ сомнѣнію — типъ простого и смиренаго человѣка.

Между тѣмъ, въ „Двухъ Гусарахъ“ авторъ, видимо, увлекается старымъ гусаромъ съ его энергическимъ буйствомъ и разманистой удалью, въ противоположность гусару новыхъ временъ съ его мелочностью и пошлостью; между тѣмъ, въ „Альбертѣ“ онъ явнымъ образомъ поэтизируетъ силу и страсть, хотя пропадающія въ неизлѣчимомъ безпутствѣ.

Толстой — поэтъ, поэтъ точно такъ же, какъ Тургеневъ. Отрицаніе всѣхъ приподнятыхъ чувствъ души не ведеть его ни къ мѣщанскому прозаизму Писемскаго, ни къ бюрократической практическости Гончарова. Всего же менѣе ведеть его анализъ къ утилитаризму. На утилитаризмъ отвѣчаетъ онъ своимъ „Люцерномъ“, въ которомъ плачетъ о погибающемъ мірѣ искусства, страстей, исторіи, — „Люцерномъ“, который нежданно поразилъ всѣхъ въ эпоху своего появленія, хотя поражаться тутъ было нечѣмъ. Чего же хотѣли отъ Толстого?..

Прежде всего и паче всего онъ поэтъ. „Приподнятыя“ чувства души человѣческой онъ казнилъ только тамъ, гдѣ они напряженно, насильственно приподняты, — тамъ, однимъ словомъ, гдѣ лягушка раздувается въ вола, — иногда впадая только въ крайности, какъ въ предпочтеніи глубокаго горя старухи-няни горю старухи-графини, какъ въ изображеніи кавказскаго героя, который дѣйствительно герой, и герой нисколько не меныше *смирнаю* капитана Храброва, только герой своей эпохи, эпохи Марлинскаго.

Въ сущности поэтъ нашъ только скорбить о томъ, что не находить настоящихъ „приподнятыхъ“ чувствъ въ той сферѣ, которую онъ знаетъ, но не можетъ отречься отъ ихъ исканія... Въ сферѣ же иной, въ простой народной сферѣ, ему доступны и понятны вполнѣ только смирные типы... Да иначе и быть нельзя. Только непосредственно

сжившись съ народною жизнью, нося ее въ душѣ, какъ Островскій, Кольцовъ и отчасти Некрасовъ, или спустившись въ подземную глубину „Мертваго Дома“, какъ Ф. Достоевскій, можно узаконить равно два типа—и типъ страстный и типъ смирный. Пушкинъ понималъ это синтезомъ—и синтезомъ создалъ „Русалку“, и Пугачова въ „Капитанской Дочки“, и старика Дубровскаго. Тургеневъ глубокимъ сочувствіемъ къ народу доходилъ иногда до того, что страстный типъ иногда является ему въ совершенно своеобразныхъ формахъ даже посреди такъ-называемаго цивилизованиаго общества (Веретьевъ, Коротаевъ, Чертопхановъ), большею же частью облекалъ его въ условныя формы или въ формы историческія (Василій Лучиновъ). Толстого эти формы не удовлетворяли, и онъ постоянно подкапывался подъ нихъ, какъ подъ всякия формы.

Доходя въ иные минуты до отчаянія анализа и оставивши слѣдъ этого отчаянія въ образѣ князя Нехлюдова („Записки Маркера“ и „Люцернъ“), утомленный работою анализа, Толстой, по натурѣ художникъ, рѣшился хоть разъ успокоиться въ разрѣшеніи психической задачи менѣе широкой,— и даль намъ „Семейное Счастье“. О достоинствахъ этого тихаго, глубокаго, простого и высоко-поэтическаго произведенія, съ его отсутствіемъ всякой эффектности, съ его прямымъ и неломаннымъ постановлениемъ вопроса о переходѣ чувства страсти въ иное чувство, пришлось бы писать еще цѣлую статью, если бы статьи чисто-эстетическія были возможны, т.-е. читаемы въ настоящую, напряженную минуту.

Задача моя была—по возможности опредѣлить смыслъ явленія столь замѣтальнаго, какъ Толстой *).

А. Григорьевъ.

*) Еще см. въ газетѣ „День“ за 1862 г., № 21, краткую замѣтку И. С. Аксакова о журн. „Ясная Поляна“.

Примѣч. В. Зелинскаго.